

УДК 343.21

**ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
В СВЯЗИ С ПОЗИТИВНОЙ ПОСТКРИМИНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ****А.А. СЁМИН***(Академия МВД Республики Беларусь, Минск)*

На основе теоретической позиции о наличии в уголовном праве Республики Беларусь института компромисса дается анализ причин редкого использования норм Общей части Уголовного кодекса Республики Беларусь, определяющих основания освобождения от уголовной ответственности в связи с действиями виновного уже после совершения преступления (статьи 86, 88, 89). Обоснован ряд предложений по совершенствованию уголовного, уголовно-процессуального законодательства и практики правоприменения.

В Уголовном кодексе Республики Беларусь (УК) присутствует и, надо отметить, регулярно увеличивается значительное число норм, предусматривающих освобождение лица, совершившего преступное деяние, от ответственности в связи с его действиями уже после совершения преступления. В Общей части УК основания к такому освобождению содержат статьи 20, 86, 88, 88-1, 89. В Особенной части УК мы находим их в части 5 примечания к главе 24, части 2 примечания к статье 235, примечаниях к статьям 287, 290-1, 291, 295, 328, 357, 358, 431, 432 УК.

Вместе с тем практика применения указанных норм, в особенности предусмотренных в Общей части УК, представляется довольно ограниченной и несколько противоречивой. Например, согласно официальной статистической отчетности за 2005 год, в связи с деятельным раскаянием прокурорами и судами было освобождено от ответственности всего 25 человек (включая случаи освобождения согласно примечанию 5 к главе 24 УК), тогда как в связи с утратой деянием общественной опасности одними прокурорами освобождено от ответственности 66 человек. Получается, что обстановка в нашем государстве меняется чаще, чем виновные предпринимают попытки загладить свою вину и оказать помощь следствию. В гораздо более обширной практике освобождения виновных в связи с примирением с потерпевшим (825 человек, из них только 11 человек освобождены прокурорами) отмечены случаи освобождения лиц, совершивших тяжкие и менее тяжкие преступления. Ни разу не применялось освобождение от ответственности участника преступной организации или банды.

Объясняется это, по нашему мнению, рядом причин как объективного, так и субъективного свойства: недостатками нормативной конструкции указанных норм, сложностями в их толковании, неотработанным процессуальным порядком их применения, неоднозначным отношением правоприменителя к заложенному в указанных нормах компромиссу с преступником.

Представляется также, что отмеченная ситуация во многом сложилась ввиду отсутствия целостного, системного подхода к оценке позитивной постпреступной деятельности виновных (на это указали свыше 80 % опрошенных нами экспертов – судей, прокуроров и следователей) и может быть исправлена, если в правотворчестве и правоприменении будет воспринято научное мнение о наличии в уголовном праве института норм, предполагающих компромисс. В соответствии с ним компромиссной является норма, в которой определяется взаимосвязь между конкретными социально полезными действиями лица, совершившего преступление, и мерами его ответственности (освобождением от нее). Появившись сравнительно недавно с трудами Х.Д. Аликперова [1], данное мнение достаточно быстро завоевало признание в научных кругах и получило поддержку общепризнанных авторитетов уголовного права: Д.И. Аминова, С.Г. Келиной, В.Н. Кудрявцева и других [2, с. 30; 3, с. 70 – 71; 4, с. 207 – 239].

В Республике Беларусь исследования в области уголовно-правового компромисса до настоящего времени не проводились, что вряд ли отвечает нуждам противодействия преступности на современном этапе, поскольку иные существующие подходы (например, с позиций деятельного раскаяния, поощрительных норм и проч.) не позволяют полностью адекватно отразить социальную и правовую природу компромиссных норм, обобщить разрозненные знания, полученные о данных нормах при исследованиях различных правовых институтов.

Исходя из обозначенной теоретической позиции, можно выделить несколько причин, препятствующих эффективному использованию компромиссных норм Общей части (в особенности статей 86, 88 и 89 УК).

Во-первых, дискреционный порядок применения данных норм не создает у виновных уверенности в том, что их посткриминальные действия получат соответствующую оценку. И у них есть на это определенные основания. Так, около половины опрошенных нами осужденных считают, что возмещение ими

причиненного ущерба не смягчило их ответственность или даже ужесточило ее. Не всегда получает должную оценку явка с повинной и активное содействие расследованию преступления. Примечательно, что необходимые гарантии смягчения ответственности (или освобождения от нее) в обмен на сотрудничество со следствием виновным в некоторых случаях не могут предоставить и сами сотрудники правоохранительных органов. Так, по признанию сотрудников Управления по наркоконтролю и противодействию торговле людьми МВД Беларуси, они не смогли смягчить ответственность участника организованной преступной группы, занимавшейся незаконным оборотом наркотиков в крупном размере, благодаря помощи которого деятельность последней была пресечена [5]. В.Н. Кудрявцев в связи со всем этим отмечает, что компромисс, предлагаемый данными нормами, чаще всего выгоден только для государства [4, с. 210].

В литературе неоднократно появлялись предложения придать применению компромиссных норм Общей части императивный характер, в особенности учитывая, что на основании примечаний к статьям Особенной части освобождение от ответственности и за более тяжкие преступления производится независимо от усмотрения правоприменителя [6, с. 69; 7, с. 63]. Действительно, разве лицо, впервые совершившее преступление, не представляющее большой общественной опасности, которое после этого явилось с повинной, возместило причиненный ущерб и активно помогло следствию, не заслуживает освобождения от ответственности? Положительное решение данного вопроса представляется и логичным, и справедливым.

Вместе с тем более оптимальным представляется процессуальное решение обозначенной проблемы, при котором лицо, совершившее преступление, могло бы получать индивидуальные гарантии смягчения своей ответственности (освобождения от нее) еще до того, как оно предпримет какое-либо из позитивных постпреступных действий. Например, по ходатайству подозреваемого или обвиняемого суд мог бы принимать по данному поводу предварительное решение (заключать с ним соответствующее соглашение).

Социологические опросы показывают достаточно высокую заинтересованность отечественных юристов-практиков в заимствовании «сделок по поводу вины», получивших широкое распространение в ряде зарубежных государств [8, с. 62]. Указанные сделки в действительности позволяют гарантировать виновному смягчение ответственности, значительно ускорить и упростить процесс расследования. Вместе с тем их существенными недостатками являются побуждение лиц к самооговору (сделка, как правило, невозможна без признания вины), осуждение виновных не за совершенные ими преступления, а преступления меньшей общественной опасности.

Предлагаемое упорядочение процессуального порядка применения норм материального права об индивидуализации ответственности позволит, по нашему мнению, создать отечественный аналог сделок по поводу вины, в значительной степени лишенный недостатков своего прообраза. Смягчение ответственности лиц, совершивших преступление (или освобождение от нее), будет производиться не в связи с формальным признанием ими своей вины, а в результате совершенных позитивных посткриминальных действий, и путем не переквалификации деяния, а применения уголовно-правовых норм, регулирующих вопросы индивидуализации ответственности (освобождения от нее).

Второй причиной редкого применения анализируемых норм Общей части УК является, по нашему мнению, чрезмерно узкий диапазон их правовых последствий. В ряде ситуаций правоприменитель попросту не считает возможным освободить виновного от ответственности, понимая, что это, по сути, связано с полным отказом государства от порицания противоправного деяния. Поэтому в качестве альтернативы освобождению от уголовной ответственности в данных нормах было желательно предусмотреть альтернативу в виде освобождения виновного от наказания. Последнее представляется нам наиболее оптимальным последствием компромисса и в случаях, предусмотренных примечаниями к статьям Особенной части УК, поскольку большинство составов преступлений, на которые распространяется действие данных примечаний, относится к категориям тяжких либо особо тяжких. Это сохранит достаточный стимул к совершению виновным необходимых действий, но при этом отрицательная оценка преступления со стороны государства и наступление у лица судимости будет, по нашему мнению, иметь существенное профилактическое значение. Уголовное право зарубежных государств, таких как, например, ФРГ и Франция, в аналогичных случаях ограничивается именно освобождением виновного от наказания [9, с. 183 – 184].

В качестве третьей причины, препятствующей более широкому применению анализируемых норм, видится ограниченная категория преступлений, при совершении которых рассматриваемые нормы применимы. Так, на освобождение от ответственности согласно статьям 86, 88, и 89 УК могут претендовать лишь лица, впервые совершившие преступления, не представляющие большой общественной опасности. Между тем в некоторых ситуациях правоприменитель справедливо считает возможным освобождать от ответственности лиц, совершивших преступления иной категории. Например, суд Пружанского района счел возможным освободить от ответственности по части 2 статьи 205 УК Г., который совместно с иным лицом выкопал с чужого земельного участка мешок картошки, приняв во внимание возмещение причи-

ненного ущерба, отсутствие претензий со стороны потерпевшего, наличие у виновного на иждивении четырех несовершеннолетних детей. Заместитель прокурора г. Минска освободил от ответственности по части 2 статьи 317 УК К., нарушение которым правил дорожного движения повлекло причинение С. тяжкого телесного повреждения, учитывая полное возмещение причиненного последнему вреда и наличие соответствующего ходатайства с его стороны. В обоих случаях освобождение производилось в силу утраты деяниями общественной опасности (ст. 87 УК), как представляется, потому, что только эта норма позволяет освобождать от ответственности за менее тяжкие преступления. Однако совершение виновным позитивных посткриминальных поступков не может свидетельствовать об изменении обстановки, являющейся обязательным условием применения статьи 87 УК.

По нашему мнению, на усмотрение правоприменителя в случаях, указанных в статьях 86, 88, 89 УК, следует предоставить право освобождения от ответственности и лиц, совершивших менее тяжкие преступления. В условиях, когда согласно примечаниям к статьям Особенной части УК возможно освобождение от ответственности виновных в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, такое решение представляется вполне логичным. Российский законодатель, например, распространил действие статей 75 и 76 УК Российской Федерации (аналоги, ст. 88 и 89 УК соответственно) на преступления средней тяжести.

Некоторые проблемы, по нашему мнению, способно породить и требование о применении анализируемых норм лишь к лицам, совершившим преступление впервые. Поскольку освобождение лица от ответственности не образует судимости, то с юридической точки зрения лицо, освобожденное от ответственности согласно, например, части 1 статьи 88 УК, может снова претендовать на такое освобождение при совершении нового преступления, что делает указанное ограничение излишним.

Следующей причиной редкого использования анализируемых норм представляется неоднозначное понимание оснований их применения. Например, применительно к части 1 статьи 88 УК (и ее аналогу в УК РФ – части 1 статьи 75) одни авторы настаивают на необходимости совершения виновным всей совокупности перечисленных в данной норме позитивных постпреступных действий [10, с. 241; 11, с. 5], а другие считают достаточным совершить только отдельные из них [6, с. 69 – 70; 7].

Последняя позиция представляется нам более предпочтительной. Например, лицо может не явиться с повинной по не зависящим от него обстоятельствам (из-за болезни, незнания закона и т.п.), но возместить причиненный ущерб; может явиться с повинной, но не иметь возможности возместить ущерб из-за отсутствия такового и т.п. С другой стороны, как справедливо полагает А. Савкин, наличие только одного из действий следует рассматривать лишь в качестве отдельного смягчающего ответственность обстоятельства [12, с. 35].

По нашему мнению, основание освобождения лица от уголовной ответственности в рассматриваемом случае образует сочетание перечисленных в норме позитивных посткриминальных действий, из которых обязательным является явка лица с повинной (при ее отсутствии возможно применение статьи 86 УК). Остальные действия должны совершаться с учетом объективной их необходимости (например, наличие материального ущерба обуславливает необходимость его возмещения или заглаживания иным образом и т.п.). При этом представляется излишним указание на добровольность посткриминальной деятельности, поскольку это вытекает из сущности каждого из указанных в норме поступков и вызывает сложности при сравнительном толковании (например, в примечании 5 к главе 24 УК указание на добровольность отсутствует, что, конечно, не свидетельствует о возможности явиться с повинной или активно способствовать раскрытию преступления под принуждением).

Вместе с тем хотелось бы отметить, что вопреки распространенному среди практиков мнению, чистосердечное раскаяние, признание лицом своей вины являются факультативными, а не обязательными условиями освобождения от ответственности по анализируемым нормам. В большинстве источников отмечается, что мотив социально полезных посткриминальных действий может быть любым, и не ограничивается только раскаянием: страх перед наказанием, жалость к потерпевшему и т.п. [6, с. 66; 9, с. 172]. По всей вероятности, в заблуждение в данном случае вводит не совсем удачное наименование статьи 88 УК, в котором использовано слово «раскаяние». Думается, что более приемлемым было бы следующее название: «Освобождение от уголовной ответственности (наказания) в связи с позитивной деятельностью после совершения преступления».

Представляется также, что основание применения статьи 86 УК, заключающееся, по сути, лишь в возмещении причиненного преступлением вреда или заглаживании его иным образом, следует дополнить условием активного способствования виновным расследованию преступления. Это позволит избежать коллизии между основанием применения данной нормы и одноименным смягчающим ответственность обстоятельством.

Помимо обозначенных причин, трудности в применении компромиссных норм создает неоднозначная трактовка содержания отдельных из описанных в них посткриминальных действий (полного возмещения ущерба, заглаживания причиненного преступлением вреда иным образом, активного спо-

собствования раскрытию преступления и проч.). Однако в рамках настоящей статьи подробное рассмотрение последних вряд ли возможно.

Вместе с тем вышеизложенное определяет насущную потребность разъяснения высшей судебной инстанцией вопросов освобождения лиц, совершивших преступления, от уголовной ответственности или наказания в связи с их действиями после совершения преступления и позволяет предложить на суд читателя следующие изменения законодательства.

Представляется, что статья 88 УК может быть изложена в следующей редакции, более четко дифференцирующей и упорядочивающей правовые последствия социально-полезной посткриминальной деятельности виновных в зависимости от ее объема и категории совершенного преступления (предлагаемая редакция делает также возможным и исключение из УК статьи 86):

«Статья 88. Освобождение от уголовной ответственности (наказания) в связи с позитивной деятельностью после совершения преступления.

1. Если лицо после совершения преступления явилось с повинной, активно способствовало расследованию преступления, полностью возместило причиненный ущерб или иным образом загладило нанесенный преступлением вред (примирилось с потерпевшим), то оно:

- освобождается от уголовной ответственности, если совершенное преступление не представляет большой общественной опасности;
- освобождается от наказания, если впервые совершило менее тяжкое преступление;
- может быть освобождено от наказания, если совершило менее тяжкое преступление и ранее осуждалось за умышленное преступление.

2. Если лицо после совершения преступления возместило причиненный ущерб или иным образом загладило нанесенный преступлением вред (примирилось с потерпевшим) и активно способствовало его расследованию, то оно:

- освобождается от наказания, если совершенное преступление не представляет большой общественной опасности;
- может быть освобождено от наказания, если совершило менее тяжкое преступление. При этом лицу не может быть назначено наказание в виде лишения свободы либо данное наказание назначается с применением статьи 77 или 78 настоящего Кодекса.

3. К лицам, освобождаемым от уголовной ответственности или наказания в соответствии с частями первой или второй настоящей статьи, могут быть применены следующие меры административного взыскания:

- штраф в пределах от пяти до тридцати базовых величин;
- исправительные работы на срок от одного до двух месяцев с удержанием двадцати процентов из заработка;
- административный арест на срок до пятнадцати суток.

4. В статьях настоящего Кодекса могут быть предусмотрены иные основания освобождения лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности или наказания, либо применения к нему иных мер уголовной ответственности или специальных правил назначения наказания, в случае совершения данным лицом определенных в указанных статьях действий».

Урегулирование процессуального порядка и повышение правовых гарантий индивидуализации ответственности лиц в связи с их посткриминальными действиями, может, по нашему мнению, заключаться в дополнении раздела XIV УПК главой 44-1 «Согласительная процедура» со статьями в следующей редакции:

«Статья 428-1. Основания и условия соглашения

1. По ходатайству обвиняемого или органа предварительного расследования суд при участии прокурора выносит решение, предусматривающее конкретные вид и пределы снижения размера наказания, назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за совершенное преступление, освобождение от уголовного наказания по основаниям, предусмотренным Уголовным кодексом Республики Беларусь, либо применение осуждения с отсрочкой исполнения наказания или осуждения с условным неприменением наказания, а также иные меры индивидуализации ответственности, предусмотренные Уголовным кодексом Республики Беларусь, которые подлежат применению при определении окончательной меры ответственности обвиняемого в случае совершения им действий, предусмотренных пунктами 1, 3, 3-1, 4-1 и (или) 4-2 статьи 63 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

2. Вынесение приговора лицу, в отношении которого принято решение, предусмотренное в части первой настоящей статьи, может быть отсрочено на срок до одного года, если это необходимо для выполнения указанным лицом всех предусмотренных для него в решении действий. Дальнейшее продление указанного срока производится прокурором на срок до шести месяцев по правилам, предусмотренным частями третьей и четвертой статьи 190 настоящего Кодекса.

Статья 428-2. Суды, заключающие соглашение

1. Решение, предусмотренное в статье 428-1 настоящего Кодекса, имеют право принимать:

- областной (Минский городской) суд в составе трех профессиональных судей при участии прокурора области (г. Минска) – в отношении лиц, которым может быть назначено уголовное наказание на срок не свыше двенадцати лет лишения свободы или более мягкое;

- судья Верховного суда Республики Беларусь, Верховный суд Республики Беларусь в составе трех профессиональных судей при участии Генерального прокурора Республики Беларусь – в отношении лиц, которым может быть назначено уголовное наказание свыше 12 лет лишения свободы;

- Верховный суд Республики Беларусь в составе трех профессиональных судей при участии Генерального прокурора Республики Беларусь – в отношении лица, которому может быть назначено пожизненное заключение или смертная казнь».

В настоящей статье преследовалась цель заострить внимание лишь на наиболее общих проблемах, возникающих при освобождении лиц в связи с их позитивной посткриминальной деятельностью, а предлагаемые изменения законодательства никоим образом не претендуют на бесспорность и всеобъемлемость. Вместе с тем представляется, что полученные выводы могут стать основой для дальнейших исследований в сфере уголовно-правового компромисса, совершенствования законодательства и практики правоприменения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиперов Х.Д. Преступность и компромисс. – Баку: Элм, 1992. – 196 с.
2. Аминов Д.И. Полный курс уголовного права России в таблицах и схемах: Учеб. пособие / Под ред. проф. В.П. Ревина. – М.: Информационно-издательский дом «Филинь», 1999. – 432 с.
3. Келина С.Г. Освобождение от уголовной ответственности как правовое последствие совершения преступления // Уголовное право: новые идеи: Сб. ст. – М.: ИГПРАН, 1994. – С. 68 – 82.
4. Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. – М.: Юрист, 2003. – 352 с.
5. Солдатенко А.А., Статуев С.Н., Харевич Д.Л. Актуальные проблемы правового регулирования противодействия незаконному обороту наркотиков и преступлениям в сфере нравов // Проблемы борьбы с организованной преступностью, наркоманией и наркобизнесом. Профилактика наркомании и алкоголизма: Тез. докл. науч.-практ. конф., г. Минск, 29 окт. 2004 г. – Мн.: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2005. – С. 88 – 92.
6. Саркисова Э.А. Деятельное раскаяние и его уголовно-правовое значение // Право Беларуси. – 2002. – № 14. – С. 65 – 70.
7. Сверчков В. Деятельное раскаяние в нормах Общей и Особенной частей УК РФ // Российская юстиция. – 2001. – № 2. – С. 62 – 63.
8. Козлов Н., Мартынов Ю. Перспектива совершенствования досудебного уголовно-процессуального производства: мнение судей // Судовы веснік. – 2001. – № 2. – С. 61 – 63.
9. Курс уголовного права: Учеб. для вузов: В 5 т. / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М.: ИКД Зерцало-М, 2002. – Т. 2: Общая часть. Учение о наказании. – 464 с.
10. Бабий Н.А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть: Конспект лекций. – Мн.: Тесей, 2000. – 288 с.
11. Михайлов В. Признаки деятельного раскаяния // Российская юстиция. – 1998. – № 4. – С. 5 – 7.
12. Савкин А. Деятельное раскаяние – свобода от ответственности // Российская юстиция. – 1997. – № 12. – С. 35 – 37.